На правахъ рукописи.

МОЕ „ДѢЛО“

На правахъ рукописи.

МОЕ „ДѢЛО“

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

http://www.archive.org/details/moedielo008800

МОЕ „ДѢЛО“.

Когда въ концѣ января этого года стало извѣстнымъ, что нашъ военный представитель „Временнаго Правительства“ во Франціи, генералъ-маіоръ Занкевичъ, складываетъ съ себя полномочія, я рѣшилъ, что для меня настало время выяснить совмѣстно съ нимъ тѣ дѣйствительныя обстоятельства, которыя повели къ уходу моему изъ Главной Французской Квартиры, уходу въ условіяхъ для меня оскорбительныхъ, затрагивающихъ честь нашего бывшаго Генеральнаго Штаба, какъ военной корпораціи.

Первоначально я предполагалъ обратиться по этому поводу къ старѣйшему изъ находящихся во Франціи офицеровъ нашего Генеральнаго Штаба, генералъ-отъ-инфантеріи Ѳедору Ѳедоровичу Палицыну, съ просьбой учрежденія надъ генераломъ Занкевичемъ и мною суда чести.

Однако, ввиду того, что ознакомившись съ проектомъ моего офиціальнаго письма ему, генералъ Па-

лицынъ вручилъ мнѣ проектъ его отвѣта (ниже печатаемый съ его согласія), въ коемъ отвѣтѣ генералъ Палицынъ не видитъ возможности учрежденія подобнаго суда надъ нами, я рѣшилъ:

1) напечатать нижеслѣдующія мои объясненія по моему дѣлу въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ *).

2) разослать эти объясненія въ отпечатанномъ видѣ всѣмъ лицамъ, съ коими по служебнымъ обстоятельствамъ я имѣлъ, или могъ имѣть, соприкосновеніе во Франціи, и

3) симъ же письмомъ, покорнѣйше просить Его Высокопревосходительство генералъ-отъ-инфантеріи Палицына, Его Превосходительство генералъ-маіора Лохвицкаго и Его Превосходительство генералъ-маіора Войно-Панченко, оказать мнѣ честь въ принятіи на себя роли арбитровъ въ моемъ дѣлѣ.

В. Кривенко.

Проектъ моего офиціальнаго письма генералъ-отъ-инфантеріи Палицыну.

Милостивый Государь,
Ѳедоръ Ѳедоровичъ!

Въ октябрѣ минувшаго года, въ бытность мою представителемъ русской военный миссіи при Французской Главной Квартирѣ, нашъ тогдашній представитель Временнаго Правительства во Франціи, генералъ-майоръ Занкевичъ совершилъ по отношенію меня, какъ своего сотрудника и подчиненнаго, актъ безпримѣрный въ исторіи сношеній людей чести.

*) На правахъ рукописи.

Официальное положеніе этого генерала не позволяло мнѣ до сихъ поръ искать удовлетворенія, но нынѣ, когда генералъ Занкевичъ сложилъ съ себя званіе представителя и оказывается въ условіяхъ, однородныхъ со мной, я считаю необходимымъ и своевременнымъ исчерпать инцидентъ, для меня, какъ офицера Генеральнаго Штаба, оскорбительный.

Разруха русской правительственной власти исключаетъ для меня возможность искать это удовлетвореніе передъ нею.

Но среди офицеровъ существуетъ другой путь къ разрѣшенію вопросовъ, связанныхъ съ нарушеніемъ законовъ чести, а именно — судъ чести.

Суды чести не предусматривались нашимъ законодательствомъ для разсмотрѣнія дѣлъ, связанныхъ со службой. Однако на практикѣ эти суды примѣнялись и въ средѣ офицеровъ Генеральнаго Штаба въ *тѣхъ случаяхъ, когда основою служебнаго конфликта являлось небрежное отношеніе къ вопросамъ чести какой либо изъ сторонъ.*

Ввиду сего и пользуясь обстоятельствомъ нынѣшняго Вашего пребыванія въ Парижѣ, я позволяю себѣ обратиться къ Вамъ съ настойчивой просьбой отнестись доброжелательно къ моему выступленію и согласиться:

1. созвать теперь же подъ Вашимъ предсѣдательствомъ всѣхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, нынѣ находящихся во Франціи.

2. предложить ихъ принципіальному обсужденію мою просьбу объ учрежденіи суда чести надъ генераломъ Занкевичемъ и мною.

3. передать затѣмъ генералу Занкевичу мой вызовъ на этотъ судъ, и

4. учредить сей судъ подъ Вашимъ предсѣдательствомъ и въ составѣ нѣсколькихъ изъ г. г. офицеровъ Генеральнаго Штаба по ихъ выбору.

Смѣю надѣяться, что для г.г. офицеровъ Генеральнаго Штаба не могутъ быть безразличными поступки, позорящіе честь ихъ корпораціи. Обстоятельства моего ухода изъ Французской Главной Квартиры таковы, что требуютъ опредѣленнаго и яснаго разъясненія причинъ его вызвавшихъ.

При семъ прилагаю записку съ изложеніемъ обвиненія мною генерала Занкевича въ нарушеніи имъ въ дѣлѣ службы и въ отношеніи меня, какъ его сотрудника, правилъ чести.

В. Кривенко.

Проектъ отвѣта генерала Ѳ. Ѳ. Палицына

4 (17) февраля 1918 г., Парижъ.

на проектъ полк. Кривенко о разборѣ его претензіи на генерала Занкевича, по поводу его дѣйствій, которыя первымъ признаются несправедливыми и оскорбительными для его чести.

1) Разборъ этого дѣла (октябрь 1917 г.) судомъ чести не можетъ имѣть мѣсто: суды чести существовали въ русской арміи, теперь они уничтожены.

2) Суды чести могутъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ существуютъ корпораціи: войсковая часть, войсковая корпорація. Во Франціи ничего подобнаго нѣтъ и никакого Генеральнаго Штаба нѣтъ, а есть 5 — 6 офи-

церовъ Генер. Штаба, изъ нихъ 2 — 3 живутъ не по служебному назначенію.

3) Суды чести не разбираютъ вопросовъ служебныхъ. Дѣйствія генерала Занкевича, какъ начальника полковника Кривенко, имѣли служебный характеръ, и обжалованіе неправильныхъ дѣйствій на начальника имѣетъ свой путь.

4) Полковникъ Кривенко считаетъ себя обиженнымъ и оскорбленнымъ своимъ начальникомъ. Жалоба на генерала Занкевича должна была быть подана вслѣдъ за нанесіемъ этой обиды — начальнику Генеральнаго Штаба, черезъ генерала Занкевича.*)

5) Съ согласія и по просьбѣ генерала Занкевича, полковникъ Кривенко, вдвоемъ, могли бы обратиться къ арбитражу лицъ, по ихъ выбору, для произнесенія мнѣнія сихъ лицъ, о нравственной сторонѣ всего дѣла, не касаясь однако служебной.

Генералъ Палицынъ.

---

*) Непосредственно вслѣдъ за нижеописываемомъ событіемъ, я телеграфировалъ о случившемся генералъ-квартирмейстеру Ставки генералу Дидрихсу, отъ котораго послѣдовалъ отвѣтъ съ извѣщеніемъ, что разборъ моего «дѣла» порученъ генералу Потапову, выѣздъ котораго намѣчался въ ближайшіе дни. Къ несчастію, наша разруха, приведшая къ убійству генерала Духонина смыла за одно и это предположеніе.

В. К.

ЗАПИСКА

съ изложеніемъ обвиненій въ служебномъ безчестіи, возводимыхъ полковникомъ генеральнаго штаба Василіемъ Васильевичемъ Кривенко, на генералъ-маіора генеральнаго штаба Михаила Иполитовича Занкевича.

---

1. Обыскъ въ Hôtel Crillon.

1) 6-го октября минувшаго года въ $10^1/_2$ час. утра, находясь въ Hôtel Crillon въ комнатахъ генералъ-майора Войно-Панченко и въ его присутствіи, я позвонилъ по телефону генералъ-майору Занкевичу въ его служебный кабинетъ и спросилъ генерала не имѣется ли для меня какихъ либо дополнительныхъ порученій въ Компьень, куда я долженъ былъ утромъ же выѣхать.

2) Генералъ майоръ Занкевичъ отвѣтилъ мнѣ, что дополнительныхъ порученій не имѣется и что я могу ѣхать въ Компьень.

3) Нѣсколькими минутами позже, въ комнаты генерала Войно-Панченко вошелъ состоявшій при военной миссіи военный чиновникъ Петръ Степановичъ Елисѣевъ, только что пріѣхавшій изъ Испаніи и заявилъ, что въ Hôtel Crillon прибыла полиція и у него Елисѣева, а равно у его секретаря М. Г. Брейтмана происходитъ обыскъ.

4) Предполагая недоразумѣніе или нарушеніе союзныхъ прерогативъ, генералъ Войно-Панченко взялъ на себя немедленно обратиться къ генералу Занкевичу за содѣйствіемъ, обѣщавъ сообщить мнѣ въ Компьень результаты.

5) Генералъ Войно-Панченко немедленно поѣхалъ къ генералу Занкевичу и заявилъ ему объ обыскѣ вещей одного изъ членовъ военной миссіи, живущаго въ одномъ съ нимъ отелѣ.

6) Генералъ Занкевичъ выразилъ *полное удивленіе* случившемуся, но однако немедленно спросилъ генерала Войно-Панченко, *не знаетъ ли онъ, гдѣ я сейчасъ нахожусь.*

7) Генералъ Войно-Панченко напомнилъ генералу Занкевичу, что полчаса назадъ послѣдній самъ предложилъ мнѣ ѣхать въ Компьень.

8) Генералъ Занкевичъ заявилъ, что не давалъ мнѣ подобнаго указанія, на что

9) Генералъ Войно-Панченко указалъ, что мой разговоръ по телефону происходилъ въ его комнатѣ и его, Войно-Панченко, присутствіи.

10) Генералъ Занкевичъ заявилъ тогда, что *забылъ* объ этомъ разговорѣ и просилъ генерала Войно-Панченко немедленно вызвать меня обратно изъ Компьена.

11) Генералъ Войно-Панченко передалъ эту просьбу въ Компьень, откуда состоявшій въ миссіи штабсъ-капитанъ баронъ Торнау немедленно выѣхалъ ко мнѣ навстрѣчу.

12) Штабсъ капитанъ баронъ Торнау встрѣтилъ меня въ Сенъ-Лиссѣ, послѣ чего я немедленно вернулся въ Парижъ и поѣхалъ къ генералу Занкевичу.

Тогда только и **впервые** я узналъ, что обыскъ производившійся въ Hôtel Crillon былъ сдѣланъ по просьбѣ самого генерала Занкевича, причемъ тогда-же изъ разговора съ генераломъ Занкевичемъ выяснилось, что: а) онъ, генералъ Занкевичъ, *не ожидалъ, что его иниціатива въ этомъ дѣлѣ станетъ извѣстной мнѣ;* б) что первоначально предполагался обыскъ лишь у Брейтмана, а основаніемъ къ нему послужило:

а) Передача секретаремъ П. С. Елисѣева М. Г. Брейтманомъ пакета прапорщику князю Кочубею, съ просьбой сохранить этотъ пакетъ, до возвращенія П. С. Елисѣева изъ Испаніи.

б) Передача того же пакета прапорщикомъ Кочубеемъ генералу Занкевичу съ заявленіемъ, что онъ не беретъ на себя храненіе пакета съ бумагами.

в) Выемка генераломъ Занкевичемъ бумагъ изъ сего пакета, и наконецъ

г) Обнаруженіе въ этомъ пакетѣ нѣкоторыхъ черновиковъ, писанныхъ моею рукою и касавшихся *Петроградской Военной Конференціи.*

Такимъ образомъ обыскъ у М. Г. Брейтмана, распространившійся и на П. С. Елисѣева, произошелъ по настоянію генерала Занкевича, причемъ основаніемъ къ нему послужили *мои документы*, переданные на храненіе Брейтманомъ прапорщику Кочубею и *каковые документы были предъявлены генераломъ Занкевичемъ Военному Губернатору Парижа безъ моего вѣдома и безъ предварительнаго предупрежденія или опроса меня*, **хотя, являясь ближайшимъ сотрудникомъ генерала Занкевича по работѣ въ Французской Главной Квартирѣ,** *я имѣлъ съ нимъ постоянные разговоры и встрѣчи, и что, кромѣ того, на организацію обыска и*

передачу и переговоры съ Военнымъ Губернаторомъ **потребовалось около 5 дней,** *въ теченіи которыхъ,* **ничего не подозрѣвая,** *я продолжалъ свою работу въ Французской Главной Квартирѣ, намѣчавшійся же обыскъ отъ меня тщательно скрывался.*

---

2. Мои документы, предъявленные генераломъ Занкевичемъ, секретно отъ меня, Военному Губернатору Парижа и послужившіе основаніемъ къ обыску у М. Г. Брейтмана, а затѣмъ и у состоящаго при военной миссіи военнаго чиновника П. С. Елисѣева.

Прибывъ въ концѣ декабря 1916 года въ Петроградъ для участія въ работахъ Петроградской союзной конференціи, я представился генералу Занкевичу, исполнявшему тогда обязанности начальника Генеральнаго Штаба, который заявилъ мнѣ:

а) что возложеніе на него обязанностей начальника Генеральнаго Штаба, весьма осложняетъ его работу;

б) что ему извѣстна моя „*блестящая*“ служба во Франціи;

в) что за мной имѣется опытъ уже двухъ конференцій въ Шантильи и что поэтому —

г) онъ обращается ко мнѣ съ сердечной просьбой, замѣстить его въ дѣлопроизводствѣ Конференціи, дѣлопроизводителемъ военной секціи, коей онъ былъ назначенъ по Высочайшему повелѣнію.

Согласно съ сей просьбой и съ согласія генерала-отъ-кавалеріи Гурко, предсѣдательствовавшаго въ оперативной секціи Конференціи, я принялъ на

себя дѣлопроизводство этой секціи, велъ ея журналъ, составилъ и редактировалъ ея протоколъ и наконецъ представилъ послѣдній на подпись членамъ комиссіи, а равно генералу Занкевичу, какъ ея номинальному дѣлопроизводителю.

Количество экземпляровъ протокола, отпечатанныхъ въ типографіи Главнаго Штаба, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ моимъ и П. С. Елисѣева, назначеннаго по моей просьбѣ, мнѣ въ помощь — было строго ограниченно числомъ членовъ комиссіи.*)

Но при составленіи протокола, у меня накопилось нѣсколько черновиковъ рукописныхъ и отпечатанныхъ на машинкѣ, изъ коихъ часть я, при ликвидаціи работы дѣлопроизводства, сжегъ, часть же взялъ съ собою при возвращеніи во Францію для доклада по нимъ результатовъ работы Конференціи нашему тогдашнему представителю при Французской Главной Квартирѣ генералу Палицыну.

Повидавъ послѣдняго, я передалъ ему черновикъ протокола, нѣсколько же отдѣльныхъ карандашныхъ помѣтокъ и одинъ экземпляръ отпечатаннаго на машинкѣ *первоначальнаго проекта предположеній комиссіи*,**) остались какъ историческій матеріалъ на храненіи военнаго чиновника П. С. Елисѣева, состоявшаго при мнѣ.

Вѣроятно и этотъ матеріалъ былъ бы мною пере-

*) Количество отпечатанныхъ экземпляровъ было опредѣлено *мною-же*. Вся организація по печатанію была установлена единолично *мною-же*.

**) Черновикъ Проекта составленнаго мною по приказанію генерала Гурко для доклада Его Императорскому Величеству.

данъ генералу Палицыну, если бы не тогдашнія обстоятельства русской революціи, которая съ перваго дня своего возникновенія представлялась для меня грозною для Россіи вообще и въ частности, началомъ ликвидаціи ею войны.

Только въ этомъ сознаніи я уклонился отъ принятія въ командованіе 2-го Особаго полка, уклонился отъ присяги и крестнаго цѣлованія новому правительству, въ которое не вѣрилъ и которое считалъ при отсутствіи Императора, для Россіи гибельнымъ и *только поэтому*, конечно, я разсматривалъ всѣ свои черновики и помѣтки по Петроградской конференціи, какъ утратившими всякую цѣнность, кромѣ исторической.

Впрочемъ сіи замѣтки, какъ указано выше, переданы были мною на храненіе состоявшему при мнѣ во время Конференціи и продолжавшему оставаться въ моемъ распоряженіи военному чиновнику П. С. Елисѣеву, т. е. лицу, пользовавшемуся офиціальнымъ и моимъ неограниченнымъ довѣріемъ.

Такимъ образомъ, документы принадлежавшіе мнѣ и секретно отъ меня переданные генераломъ Занкевичемъ Военному Губернатору Парижа въ сентябрѣ 1917 года, состояли изъ нѣсколькихъ черновиковъ и помѣтокъ моихъ по дѣлопроизводству Петроградской Конференціи, причемъ *работой Конференціи служили предположенія на весну того года, мои же помѣтки были перехвачены генераломъ Занкевичемъ и переданы французскимъ властямъ въ сентябрѣ того же года, т. е. въ моментъ, далеко выходящій за сроки веякихъ предположеній Конференціи, даже будь послѣднія осуществлены*, чего на самомъ дѣлѣ по причинѣ русской революціи не произошло вовсе. Черновики эти были

набросаны мною въ качествѣ фактическаго дѣлопроизводителя оперативной комиссіи Конференціи, хотя официальное званіе ея, со всѣмъ связаннымъ съ симъ, было сохранено генераломъ Занкевичемъ за собою, я же лишь выполнялъ за него возложенную на него работу.

---

3. Почему нѣкоторые изъ моихъ документовъ могли храниться у П. С. Елисѣева.

Назначенный въ январѣ 1916 года состоять при Представителѣ Верховнаго Главнокомандующаго во Франціи, я съ первыхъ дней своей новой службы столкнулся съ условіями чрезвычайными.

Вся оперативная работа, выражавшаяся въ поѣздкахъ по фронту, въ составленіи всѣхъ оперативныхъ телеграммъ и докладовъ лежала, исключительно на мнѣ, канцелярія же при представителѣ, вѣдала исключительно шифромъ и личной перепиской Представителя, причемъ самъ представитель генералъ Жилинскій на мои указанія о необходимости установить штаты, утверждалъ мнѣ, что *русской военной миссіи при Французской Главной Квартирѣ не существуетъ и не должно быть, а имѣется и долженъ пребывать только онъ, при которомъ состою я и т. д.* Работать при такихъ условіяхъ представлялось труднымъ, а для интересовъ родины и вреднымъ.

Поэтому, пользуясь присутствіемъ въ Парижѣ моего друга Петра Степановича Елисѣева, зачислившагося на французскую службу, я обратился къ генералу Жилинскому за разрѣшеніемъ хлопотать о причисленіи П. С. Елисѣева ко мнѣ въ качествѣ

секретаря, безъ расходовъ отъ казны. *Несмотря на явную необходимость въ назначеніи мнѣ помощниковъ и вообще образованія какого либо подобія оперативной канцеляріи при Представителѣ, ходатайство мое встрѣтило отовсюду самое настойчивое противодѣйствіе,*)* причемъ мнѣ удалось настоять на своемъ лишь при условіи обѣщанія генералу Жилинскому, что П. С. Елисѣевъ не будетъ жить съ нами въ Шантильи, дабы, по словамъ генерала Жилинскаго, „не злоупотреблять гостепріимствомъ г-жи Ротшильдъ“ домъ которой былъ впрочемъ реквизированъ для русской ..... миссіи.

Такимъ образомъ, по обороту дѣла съ его начала, любезно представленный Французской Главной Квартирой, въ мое распоряженіе, солдатъ французской службы П. С. Елисѣевъ, долженъ былъ жить въ Парижѣ, въ Hôtel Crillon, гдѣ помѣщался ранѣе и *тамъ выполнять для той же миссіи часть поручаемой ему мною работы.*

Накопленіе послѣдней шло тѣмъ шире, что обыкновенно генералъ Жилинскій проживалъ три послѣднихъ дня каждой недѣли въ Парижѣ и, поэтому, я, возвращаясь изъ своихъ поѣздокъ къ Вердену и на Сомму, обыкновенно проѣзжалъ прямо въ Парижъ, гдѣ, послѣ доклада Представителю, садился вмѣстѣ съ П. С. Елисѣевымъ за работу по составленію телеграммъ и докладовъ.

Особое вліяніе на накопленіе моихъ работъ у

---

*) Въ частности и особенно настойчивое со стороны нашего военнаго агента.

П. С. Елисѣева, оказало то обстоятельство, что вскорѣ же по моемъ назначеніи въ миссію и несмотря на то, что я былъ приглашенъ въ нее по настоянію генерала-же Жилинскаго, между мною и имъ возникли принципіальныя несогласія въ оцѣнкѣ боевыхъ событій на французскомъ фронтѣ, каковыя несогласія приводили къ неутвержденію Представителемъ цѣлаго ряда моихъ докладовъ, изъ коихъ нѣкоторые достигали 60—80 печатныхъ страницъ.

Такимъ образомъ, не имѣя канцеляріи при миссіи, а имѣя лишь личнаго секретаря въ Парижѣ, пропуская черезъ Представителя оперативныя телеграммы въ Ставку, но оставаясь съ неутвержденными докладами, я, ходомъ вещей, былъ поставленъ въ условія, при которыхъ значительную часть работы выполнялъ въ Парижѣ, причемъ часть моихъ работъ, незаконченныхъ или неутвержденныхъ, оставалась *на храненіи у П. С. Елисѣева и являясь какъ выраженіе моихъ мыслей — моею собственностью не использованною другими.*

Въ дальнѣйшемъ, курьезы только умножались:

Такъ,—отбывая обратно въ Россію, генералъ Жилинскій, имѣя личнаго адъютанта, назначилъ сопровождать себя, того же, единственнаго состоявшаго при мнѣ помощника П. С. Елисѣева.

Передъ отъѣздомъ П. С. Елисѣева, аккуратность и удивительная служебная добросовѣстность котораго признавалась всѣми, разобралъ находившіеся на его храненіи мои бумаги. Изъ нихъ большую и важнѣйшую часть онъ заперъ въ особый кофръ-форъ, ключи отъ котораго передалъ мнѣ; остальную часть онъ размѣстилъ въ одномъ изъ ящиковъ

комода отдѣльной комнаты, взятой имъ на свое имя въ отелѣ*).

Вотъ какимъ образомъ, къ зимѣ 1916 года, въ Hôtel Crillen у насъ съ П. С. Елисѣевымъ образовался *архивъ* моихъ дѣлъ, размѣщенный въ двухъ ящикахъ, находящихся оба подъ ключемъ, изъ которыхъ одинъ находился у меня, а другой у него, причемъ въ этихъ ящикахъ находились черновики моихъ многочисленныхъ работъ по изученію французскаго фронта, но всѣ устарѣлыя, касающіяся событій до отъѣзда генерала Жилинскаго.

Съ пріѣздомъ новаго Представителя генерала Палицына, я обратился къ послѣднему съ просьбой о возбужденіи ходатайства о назначеніи меня командиромъ полка въ дѣйствующую армію.

Генералъ Палицынъ, соглашаясь на послѣднюю, нашелъ однако возможнымъ, одновременно, снестись съ тогдашнимъ военнымъ министромъ генераломъ Шуваевымъ о желательности приглашенія меня къ участію въ работахъ предстоявшей въ январѣ 1917 года Петроградской Конференціи.

Вотъ почему, *не дожидаясь назначенія командиромъ полка и лишь согласно отвѣтной телеграммѣ военнаго министра, вызывавшей меня на Конференцію*, я выѣхалъ въ серединѣ декабря 1916 года въ Петроградъ, оставивъ въ Парижѣ, въ указанныхъ выше хранилищахъ, мой *личный архивъ*, который я не могъ захватить съ собою, ибо *не имѣлъ еще точныхъ представленій о своей дальнѣйшей службѣ* и ѣхалъ черезъ Норвегію и Швецію, имѣя совершить морской переѣздъ

*) Порядокъ храненія бумагъ въ особомъ ящикѣ выполнялся за все время нашей совмѣстной работы съ П. С. Елисѣевымъ.

Ньюкестль — Бергенъ, т. е. въ зонѣ наблюденія нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ.

На оставленіе своего архива въ хранилищахъ меня побуждало и то обстоятельство, что его завѣдываніе лежало на П. С. Елисѣевѣ, возвращеніе коего изъ Петрограда ожидалось въ ближайшемъ времени.

Съ возвращеніемъ моимъ и П. С. Елисѣева обратно во Францію, къ нашему архиву присоединились мои черновики по Петроградской Конференціи. Сей архивъ состоялъ изъ трудовъ главнымъ образомъ *мною лично выполненныхъ*; присутствіе его въ нашихъ съ П. С. Елисѣевымъ комнатахъ и кофръ-форѣ въ Hôtel Crillon, объяснялось отсутствіемъ когда либо при мнѣ какой либо служебной канцеляріи.

---

4. Почему мои бумаги оказались въ рукахъ секретаря П. С. Елисѣева — М. Г. Брейтмана.

Въ серединѣ августа 1917 года и въ связи съ начавшимися перевозками американскихъ войскъ во Францію, я предложилъ нашему представителю генералу Занкевичу использовать желаніе состоявшаго въ миссіи П. С. Елисѣева совершить поѣздку въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты для устройства своихъ дѣлъ и послать его въ командировку въ Америку (на собственный счетъ) съ тѣмъ, чтобы онъ, войдя въ контактъ съ нашимъ военнымъ агентомъ въ Соединенныхъ Штатахъ, далъ намъ достаточно полныя данныя о размѣрахъ, характерѣ и срокахъ мобилизуемой Штатами помощи.

Генералъ Занкевичъ отнесся къ такой командировкѣ

крайне сочувственно и нѣсколько дней спустя П. С. Елисѣевъ выѣхалъ въ Америку черезъ Испанію.

Непосредственно вслѣдъ за симъ, между мною и М. Г. Брейтманомъ произошло столкновеніе совершенно частнаго характера, слѣдствіемъ коего столкновенія П. С. Елисѣевъ былъ вызванъ телеграммой обратно для урегулированія нѣкоторыхъ своихъ *частныхъ* дѣлъ.

Между тѣмъ, передъ отъѣздомъ, П. С. Елисѣевъ позабылъ въ своемъ личномъ кофръ-форѣ часть принадлежащихъ ему цѣнностей и тогда-же, на вокзалѣ, передалъ своему секретарю М. Г. Брейтману ключъ съ просьбой вынуть изъ кофръ-фора забытыя вещи и направить ихъ черезъ посольство въ Мадридъ.

Въ этомъ кофръ-форѣ, при открытіи его, и былъ найденъ М. Г. Брейтманомъ конвертъ съ хранившимися, какъ обнаружилось въ послѣдствіи, моими черновиками давно всѣми забытой Петроградской январьской конференціи.

Сохранись къ этому дню между мною и Брейтманомъ дружескія отношенія, пакетъ этотъ былъ бы переданъ имъ мнѣ, ибо лишь мои бумаги могли храниться у П. С. Елисѣева; но ввиду нашего столкновенія, а равно уже состоявшагося обратнаго вызова П. С. Елисѣева въ Парижъ, М. Г. Брейтманъ обратился не ко мнѣ, а къ адъютанту представителя, прапорщику князю Кочубею съ просьбой сохранить пакетъ до возвращенія П. С. Елисѣева, на что прапорщикъ князь Кочубей согласился.

Такимъ образомъ, найдя случайно въ кофръ-форѣ одного изъ членовъ военной миссіи пакетъ съ бума-

гами, М. Г. Брейтманъ нашелъ единственный правильный для него выходъ, передавъ этотъ пакетъ на храненіе одному изъ членовъ той же миссіи, до возвращенія собственника.

---

5. Кто тѣ лица, черезъ руки которыхъ прошли тѣ документы, которые генералъ Занкевичъ секретно отъ меня повезъ къ Военному Губернатору Парижа.

М. Г. Брейтманъ.

Поводомъ къ обыску послужило — передача секретаремъ П. С. Елисѣева Михаиломъ Григорьевичемъ Брейтманомъ пакета съ бумагами на храненіе корнету князю Кочубею, который счелъ необходимымъ передать сей пакетъ генералу Занкевичу.

Итакъ, въ основаніи дѣла лежитъ *дѣйствіе* М. Г. Брейтмана, поведшее къ блужданію моихъ бумагъ отъ кофръ-фора вплоть до генерала Занкевича, а оттуда, секретно отъ меня, къ Военному Губернатору Парижа.

М. Г. Брейтманъ никогда не принадлежалъ къ миссіи и никогда не имѣлъ къ ея работамъ даже косвеннаго касательства. Однако всѣ чины нашего посольства и миссіи во Франціи имѣли многократно основаніе убѣдиться, что М. Г. Брейтманъ всегда оказывался внѣ всякихъ подозрѣній въ патріотической добропорядочности. Такъ напримѣръ: я же лично за время моего пребыванія во Франціи обращался за справками о его благонадежности: 1) въ развѣдывательное отдѣленіе французъ-

скаго министерства внутреннихъ дѣлъ; 2) къ префекту Сены, и наконецъ 3) въ наше же контръ-развѣдывательное бюро, причемъ отовсюду получалъ одинаковыя по содержанію завѣренія въ его безупречности*).

Патріотическая безупречность сія была несомнѣнна и для генерала Занкевича, ибо за мѣсяцъ до инцидента, онъ потребовалъ нѣкоторыхъ рѣшительныхъ мѣръ по отношенію нѣкоего лица, позволившаго себѣ неуважительный отзывъ о М. Г. Брейтманѣ.

П. С. Елисѣевъ.

Обстоятельства приглашенія П. С. Елисѣева на службу въ нашу миссію изложены выше. Выше же отмѣчена мѣра близости его къ работамъ Петроградской конференціи въ сотрудничествѣ со мною. Мало того, по прибытію въ Францію генерала Занкевича, П. С. Елисѣевъ занялъ мѣсто въ оперативной канцеляріи послѣдняго по веденію секретнаго журнала. Поэтому имѣется полное основаніе къ утвержденію, что въ дѣлахъ нашей военной миссіи во Франціи, П. С. Елисѣевъ пользовался исключительнымъ довѣріемъ, причемъ такое положеніе было занято имъ не только по званію, но и по характеру его службы, безупречной во всѣхъ отношеніяхъ. Матеріально независимый, скрытный и скромный, П. С. Елисѣевъ велъ всякую поручаемую ему работу съ одинако-

*) Правда, однажды въ началѣ 1916 года, въ связи съ препятствіями къ назначенію ко мнѣ П. С. Елисѣева, нашъ военный агентъ во Франціи весьма настойчиво обратилъ мое вниманіе на якобы *политическую* неблагонадежность М. Г. Брейтмана, но, впослѣдствіи, даже подобное обвиненіе оказалось неосновательнымъ.

вымъ усердіемъ и аккуратностью, являясь въ этомъ смыслѣ незамѣнимымъ и образцовымъ сотрудникомъ.

Самый переводъ его на русскую службу, съ производствомъ въ военные чиновники, состоялся въ *награду* за его помощь мнѣ на Петроградской Конференціи.

Итакъ, оба лица, причастные къ дѣлу перехвата моихъ бумагъ, своимъ поведеніемъ не возбуждали къ себѣ подозрѣнія, причемъ одинъ изъ нихъ пользовался даже исключительнымъ къ себѣ довѣріемъ, до послѣднаго дня своего пребыванія въ миссіи.

Мало того, вскорѣ же послѣ обыска и связаннаго съ нимъ скандала, тотъ же генералъ Занкевичъ присутствовалъ на свадьбѣ моего друга и сотрудника Петра Степановича Елисѣева, свидѣтельствуя симъ свое къ нему уваженіе.

Поэтому, возможно, что въ своемъ дѣйствіи, выразившемся въ секретной передачѣ моихъ бумагъ Военному Губернатору Парижа, генералъ Занкевичъ просто руководствовался подозрѣніемъ... ко мнѣ!

Вопросъ довѣрія всегда условленъ.

Нѣтъ аргументовъ, способныхъ заставить одного человѣка довѣрять другому, когда этотъ первый человѣкъ инстинктивно не довѣряетъ второму.

Но зато, если обстановка складывается такъ, *что фактически этотъ первый человѣкъ не только уже довѣряетъ другому, но такъ сказать вѣряется другому, если, иначе говоря, такой первый человѣкъ сознательно расписывается во всемъ томъ, что дѣлаетъ второй человѣкъ,*

расписывается въ важномъ, не провѣряя его дѣйствія, въ открытомъ признаніи знанія и состоятельности этого второго, то тогда, — возникающее въ немъ затѣмъ вдругъ недовѣріе къ такому своему сотруднику будетъ нравственнымъ и законнымъ лишь съ момента, когда, вызвавъ на объясненіе своего замѣстителя по довѣрію, онъ принудитъ послѣдняго къ объясненію и этимъ дастъ сему послѣднему возможность защиты.

Всякое же иное дѣйствіе, при подобныхъ обстоятельствахъ, такого перваго человѣка по отношенію второго —, его довѣрительнаго сотрудника и фактическаго замѣстителя, — будетъ актомъ безнравственнымъ въ понятіяхъ людей чести.

Конечно, бывшій военный министръ генералъ Сухомлиновъ использовалъ однажды отсутствіе начальника Генеральнаго Штаба, генерала Мышлаевскаго для тайнаго отъ послѣдняго, его губящаго, доклада; правда — тотъ же характерный для упадка Россіи министръ использовалъ однажды свою поѣздку съ докладомъ въ Крымъ, для тайнаго злокачественнаго доклада о генералѣ Поливановѣ, оставленнаго имъ же своимъ довѣреннымъ замѣстителемъ въ Петроградѣ. Но практика этого министра находитъ себѣ оцѣнку въ послѣдствіяхъ, извѣстныхъ всѣмъ.

Наши отношенія съ генераломъ Занкевичемъ.

Довѣріе выражается не словами, а фактами. Вотъ эти факты:

1) Какъ указывалось уже выше, генералъ Занкевичъ передовѣрилъ мнѣ въ январѣ 1917 года свои обязанности дѣлопроизводителя по Петроградской

Союзной Конференціи. Мало того, когда по окончаніи послѣдней, я подалъ ему протоколъ Конференціи на подпись, *какъ дѣлопроизводителю*, онъ подписалъ сей документъ чрезвычайной важности *не читая*. Подобный актъ для насъ офицеровъ Генеральнаго Штаба не имѣетъ ничего неожиданнаго. Мы службой своей пріучены къ полному къ намъ довѣрію старшихъ. Но фактъ сей — есть актъ довѣрія par excellence, характерный тѣмъ болѣе, что генералъ Занкевичъ никогда гласно не отказывался отъ своего званія дѣлопроизводителя военной секціи Конференціи, а, наоборотъ, вполнѣ опредѣленно сохранялъ за собою это званіе.

2) Съ появленіемъ моимъ въ качествѣ представителя русской военной миссіи при Французской Главной Квартирѣ, было приступлено къ составленію ряда оперативныхъ докладовъ, касательно боевыхъ дѣйствій на французскомъ фронтѣ. Генералу Занкевичу не было возможности повѣрять мои заключенія и выводы въ сихъ докладахъ и, тѣмъ не менѣе, онъ же потребовалъ, чтобы эти доклады подписывалъ *онъ, а не я*. Я, конечно, этимъ уступалъ ему свое посильное творчество, но за то вознаграждался фактомъ *довѣрія*, лучшей наградой въ нашей службѣ Генеральнаго Штаба.

3) Телеграммы, направляемые въ ставку и Главное Управленіе Генеральнаго Штаба изъ нашей миссіи, часто касались вопросовъ, далеко выходящихъ за предѣлы простыхъ отмѣтокъ совершавшагося.

Въ нихъ очень часто находили себѣ мѣсто *предположенія и заключенія, основанныя на однихъ признакахъ какъ*

военныхъ, такъ и чисто политическихъ. Вполнѣ очевидно приложеніе въ сихъ случаяхъ индивидуальныхъ особенностей автора къ оцѣнкѣ событій.

Однако, генералъ Занкевичъ отправлялъ всѣ такія составленныя мною телеграммы, немедленно по ихъ прочтенію, за своею *единоличною подписью.* Событія оправдывали въ дальнѣйшемъ его довѣрительность, но самый фактъ *довѣрія* есть фактъ.

4. Въ іюньской Парижской Конференціи, генералъ Занкевичъ выступалъ въ очень энергичной роли. Однако тотъ фактъ, что я былъ вызванъ имъ за четыре дня до Конференціи въ Парижѣ и тамъ составилъ ему всѣ матеріалы, до письменнаго заявленія конферантамъ включительно, есть — фактъ *довѣрія!*

5. Состоя при Французской Главной Квартирѣ, меня касались лишь вопросы оперативные. Однако почти вплоть до тайнаго предъявленія Парижскому Военному Губернатору принадлежащихъ мнѣ документовъ, генералъ Занкевичъ многократно совѣтывался со мной и касательно нашихъ войскъ, прибывшихъ во Францію и касательно другихъ органовъ нашего представительства и, наконецъ, касательно вопросовъ общей политики.

Для меня такіе довѣрительные разговоры являлись совершенно естественными по смыслу нашей службы Генеральнаго Штаба. Но актъ *довѣрія* въ данномъ случаѣ тоже фактъ.

Иначе говоря, за все мое сотрудничество съ генераломъ Занкевичемъ и вплоть до неожиданной пере-

дачи французкимъ властямъ принадлежащихъ мнѣ документовъ, генералъ Занкевичъ мнѣ не только довѣрялъ, *но не имѣлъ право ни секунды забывать о таковомъ своемъ довѣріи,* ибо, довѣряя мнѣ, онъ пользовался плодами подобнаго довѣрія, получая въ обмѣнъ все мое усердіе и посильное творчество.

Я никогда серьезно не расчитывалъ на выгоды по службѣ отъ такого возникшаго ко мнѣ довѣрія генерала Занкевича, ибо, послѣ мартовскаго переворота никогда не вѣрилъ въ близкое спасеніе Россіи. Но отдавая себя въ его распоряженіе и дѣлая все, что могло помочь нашему дѣлу и ему, я связывался съ генераломъ Занкевичемъ узами взаимнаго довѣрія. насъ взаимно обязывавшими.

Характерно, что мой послѣдній оперативный докладъ въ Ставку былъ подписанъ именемъ генерала Занкевича не только послѣ тайной передачи моихъ документовъ, но — **три** дня спустя послѣ обыска, въ день, когда видя мое волненіе, онъ вслѣдъ за подписью моего доклада, заявилъ мнѣ: „...что вашъ архивъ въ рукахъ французовъ, это ч... съ нимъ. *Несчастіе въ томъ, что я показалъ, возилъ властямъ ваши бумаги*“.

Несчастіе конечно можетъ стрястись со всякимъ; подводить сотрудника — несчастіе. Но обыкновенно въ несчастіи протягиваютъ руку, я же — послѣ указаннаго разговора видѣлъ генерала Занкевича лишь одинъ разъ, въ день, когда заявивъ мнѣ, что сдѣлаетъ все для огражденія меня и моей чести, онъ секретно отъ меня подписалъ предписаніе моему товарищу подполковнику Голяшкину принять отъ меня

должность. Съ этого дня и до сего числа я больше генерала Занкевича не видѣлъ.

Предъявляя секретно отъ меня принадлежавшія мнѣ бумаги, генералъ Занкевичъ этимъ самымъ нарушилъ обязательные для него, по служебной чести, узы довѣрительности связывавшіе насъ.

---

6. Результаты обыска.

Показавъ Военному Губернатору Парижа принадлежавшія мнѣ бумаги, генералъ Занкевичъ настоялъ на обыскѣ у М. Г. Брейтмана, человѣка ему лично извѣстнаго и въ защиту коего онъ передъ тѣмъ за мѣсяцъ выступалъ.

Обыскъ этотъ однако коснулся не только М. Г. Брейтмана, но и П. С. Елисѣева, т. к. всѣ комнаты послѣдняго въ Hôtel Crillen, *за исключеніемъ той, гдѣ хранились мои архивныя бумаги*, были записаны на имя его секретаря М. Г. Брейтмана.

Въ результатѣ, агентами французской полиціи были захвачены не только всѣ бумаги принадлежавшія М. Г. Брейтману и П. С. Елисѣеву, но и *мои архивы*, какъ тотъ, что хранился въ этой особой комнатѣ П. С. Елисѣева, такъ и тотъ, что хранился въ особомъ кофръ-форѣ, принадлежавшемъ ему же.

Просмотръ личныхъ документовъ П. С. Елисѣева и М. Г. Брейтмана, какъ и слѣдовало ожидать, не далъ никакихъ результатовъ и вскорѣ М. Г. Брейтману были возвращены какъ документы, такъ и довѣріе

французскихъ властей, дважды уже официально заявлявшееся.

Но хотя тогда же подъ мою росписку мнѣ также были возвращены мои документы, самый фактъ ихъ конфискаціи, хотя бы временной, создалъ инцидентъ совершенно неслыханный, принимая во вниманіе положеніе, которое въ теченіи полутора года передъ тѣмъ я занималъ при Французской Главной Квартирѣ.

Сей обыскъ, слѣдовательно, не затрагивая ничѣмъ М. Г. Брейтмана, нанесъ непоправимый вредъ нашему положенію въ Союзныхъ Главныхъ Квартирахъ, оскорбляя тогдашнее достоинство Россіи.

Важность событія увеличилось тѣмъ обстоятельствомъ, что основаніемъ къ обыску послужили документы, которые, какъ изложено выше, принадлежали одному изъ старшихъ членовъ нашей миссіи, Полковнику Генеральнаго Штаба, лично извѣстному всему высшему командному персоналу французской арміи.

Мое обвиненіе.

Основываясь на вышеизложенномъ,

Я обвиняю генерала Занкевича въ томъ, что:

1) Пользуясь моей работой во все время Петроградской Конференціи безъ всякой попытки отмѣтить оказанную мною ему услугу передъ кѣмъ либо;

2) Пользуясь моей работой по снабженію нашей Ставки оперативными свѣдѣніями и подписывая всѣ мои телеграммы и доклады только своимъ именемъ;

3) Использовавъ мои услуги для подготовки всѣхъ матеріаловъ и составленія самого доклада представленнаго имъ затѣмъ за своею подписью на іюньской союзной конференціи въ Парижѣ;

4) Пользуясь моими указаніями для распредѣленія дѣятельности по различнымъ органамъ нашихъ военныхъ организацій въ Парижѣ;

5) Зная положеніе занимавшееся мною за полуторагодичное пребываніе мое при Французской Главной Квартирѣ;

6) Зная черезъ генерала Миллера о полномъ соотвѣтствіи организованной при Французской Главной Квартирѣ нашей работы съ нуждами и пожеланіями нашей Ставки;

7) Убѣдившись, что документы переданные ему

корнетомъ Кочубеемъ суть мои собственноручныя записки по всѣми забытой январской Петроградской Конференціи;

8) *Имѣя всегда меня возлѣ себя*;

9) Зная, что состоящій при миссіи П. С. Елисѣевъ, изъ кофръ-фора котораго былъ вынутъ пакетъ, долженъ былъ прибыть немедленно обратно въ Парижъ и могъ слѣдовательно дать разъясненія о причинахъ появленія пакета съ документами въ рукахъ его секретаря.

Онъ, генералъ майоръ Занкевичъ, состоявшій въ то время нашимъ военнымъ представителемъ во Франціи:

1) Пренебрегъ всѣми услугами заполнившими главную часть лежавшихъ на немъ обязанностей по оперативной части;

2) Пренебрегъ уваженіемъ къ корпораціи Генеральнаго Штаба, обязующаго насъ къ довѣрію при совмѣстной работѣ;

3) Забылъ традиціи гвардіи, мундиръ которой онъ носилъ, традиціи—требующія особо рыцарскаго отношенія;

4) Скрытно отъ меня, *находящагося возлѣ него и исполнявшаго по мѣрѣ силъ за него лежавшую на немъ работу* — предъявилъ мои бумаги Военному Губернатору Парижа и этимъ совершилъ дѣяніе

5) Позорящее нашъ мундиръ Генеральнаго Штаба и нанесъ вредъ Россіи.

Я обвиняю генерала Занкевича равно и въ томъ, что свершивъ непоправимую ошибку и обнаруживъ затѣмъ нелѣпый исходъ тайно возбужденнаго имъ дѣла, онъ

1) не только не оказалъ мнѣ нравственной поддержки въ незаслуженномъ мною положеніи, но

2) совершивъ дѣяніе, старался скрыть свое участіе въ немъ, а затѣмъ

3) сдѣлалъ все, чтобы внѣшними признаками оправдать свое дѣйствіе и

4) уклоняясь отъ всякаго сердечнаго разговора со мною, замѣшивая въ дѣло представителей бывшей военной юстиціи, устраивая формальное дознаніе,

5) отправился затѣмъ къ французскимъ военнымъ властямъ съ заявленіемъ явно оскорбительнымъ для моей служебной части, хотя

6) наканунѣ послѣдняго удара въ спину, заявилъ мнѣ, что сдѣлаетъ возможное для огражденія моей служебной чести.

В. КРИВЕНКО

Полковникъ Генеральнаго Штаба.
Членъ Конференціи бывшей
Императорской Военной Академіи.

☆ ☆

Imprimerie „UNION"
45, Bd St-Jacques, 45
Paris

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK265
.A524888
1918

Imprimerie „UNION"
46, Bd St-Jacques, 46
C[illegible] - Paris [illegible]